

Когда на землю опустилась ночь, замок лорда озарился ярким светом.

В главном зале до блеска натерли длинный дубовый стол и тяжелые стулья с высокими спинками, на которых расставили более двух десятков массивных канделябров. Свет от свечей, отражаясь в хрустале огромной люстры под потолком, заливал все вокруг, превращая ночь в сияющий день.

Этот пир устраивали в честь Аяма.

Юнь Фэй занял почетное место во главе стола. По правую руку от него расположился Аям со своими спутниками, а напротив них уселись Надро и его рыцари.

Перед началом пира воины Надро сменили походное платье и придирчиво осмотрели себя с ног до головы. На них не должно было остаться ни единой детали, хоть отдаленно напоминающей о Владении Акации, — вплоть до узоров на пуговицах.

Прошлый визит оставил в их душах такой глубокий след, что они до сих пор вздрагивали при одном воспоминании. Ссориться с разгневанными героическими духами замка больше никто не желал, поэтому перед тем, как переступить порог, каждый трижды проверил свои доспехи и одежду.

Торговцы из каравана тоже подготовились: они на совесть вымылись в бане, а следопыты даже натерлись снадобьем человеческих магов, которое напрочь выводило и вшей, и дорожную вонь.

Слуги начали разносить кушанья. По залу поплыли умопомрачительные ароматы жареного мяса и специй, а старый Люк лично откупорил бочонки со своим лучшим элем и вином. От одного только запаха слюнки текли ручьем.

Когда подали последнее блюдо, старый Люк и Бру подхватили по увесистому бочонку и, обойдя стол с двух сторон, щедро наполнили кубки гостей.

— До дна!

Будучи хозяином замка, Юнь Фэй первым поднял кубок и сделал глубокий глоток. В его кубке пенилось сладкое вино, рецепт которого старый Люк успел доработать: теперь оно пилось на удивление легко, оставляя мягкое, бархатистое послевкусие.

— До дна!

Гости дружно зашумели, салютуя кубками в знак благодарности за столь щедрый прием.

Аям, как и Юнь Фэй, питал слабость к сладкому хмелю. Старый треант осушил свой кубок одним махом и тут же потребовал добавки, прихлебывая вино так легко, словно это была родниковая вода.

Люди из каравана повидали свет и попробовали немало заморских яств и редких вин, однако, отведав этого напитка, они изумленно округлили глаза. Их реакция в точности повторяла изумление эльфов, впервые попробовавших местное вино.

Следопыты и рыцари, впрочем, налегали на крепкий ячменный эль. Не то чтобы сладкое вино им не понравилось, просто эль привычнее ложился на душу. Крепкий глоток обжигал горло и приятно грел желудок, а под сочные, шкворчащие куски жареного мяса это было истинным блаженством.

Хмель быстро брал свое: напряжение, витавшее в зале, постепенно растаяло, уступив место дружескому теплу.

Рыцари и следопыты пили напропалую, звучно сталкивая кубки. Голоса становились громче, шутки — солонее, а веселье разгоралось все ярче. К счастью, они еще помнили, где находятся, и не пускались в пляс на столах, как в захудалых тавернах.

Надро трижды пытался утихомирить своих людей, но все без толку.

Загнанные бесконечными тренировками воины наконец дорвались до передышки. То, что они еще не свалились под стол и держали себя в рамках приличия, уже было чудом; заставить их сидеть смирно теперь не смог бы никто.

— Не стоит так строго, — заметив растерянность Надро, Юнь Фэй с улыбкой поднял кубок в его сторону. — Расслабься и празднуй.

— Благодарю за доброту, милорд, — выдохнул оборотень-медведь.

Раз уж хозяин не возражал, Надро перестал терзаться муками совести. Пока остальные были заняты тостами, он в три счета умял стоявшее перед ним пирожное и жестом попросил у старого Люка еще три порции.

— Объедение!

Бисквит, обильно сдобренный медом и сахаром, вышел пышным и маняще сладким. Люку все еще не хватало сноровки — после множества попыток у выпечки все равно оставался легкий, резковатый запах парного молока. Но оборотня это нисколько не смущало: он уплетал угощение ложку за ложкой, не в силах остановиться.

Остатки пирога, не поместившиеся на стол, отправили прямиком в подземелье — на ужин

ледяному демону.

Плененный демон обомлел от удивления и восторга. Как и оборотни-медведи, исчадия бездны питали непреодолимую слабость к сладкому.

Жадно заглотив целую гору бисквитов и сочного мяса, ледяной демон поймал себя на неожиданной мысли: если лорд Снежной Сосны продолжит так его кормить, то принести ему вассальную клятву будет не такой уж плохой сделкой.

Тем временем в зале веселье шло полным ходом. Один за другим хмелеющие воины и следопыты роняли головы на столешницу, засыпая мертвецким сном.

Аям же обладал поистине богатырским здоровьем: сколько бы кубков он ни осушил, его разум оставался кристально чистым. Разговаривая с Юнь Фэем, он увлеченно делился историями из своих долгих странствий, пересказывая удивительные легенды и слухи, чем не шутя заинтриговал молодого лорда.

— Мне доводилось бывать в Королевстве дворфов, — Аям бережно опустил кубок и подцепил ложкой кусочек сладкого пирога. — Подземный город, что они высекли в скалах, поистине колоссален — одних только ворот там насчитывается семнадцать штук. Внутри раскинулась сеть дорог и мостов, парящих прямо над бездной и подпираемых исполинскими колоннами. Дома у них выдолблены прямо в монолитных глыбах. Снаружи неказисты, но на деле прочны и удивительно уютны.

— Дворфы — непревзойденные мастера кузнечного дела. Оружие ихковки ценится на вес золота.

— А в пучинах Красного моря обитают мерфолки. Они невероятно красивы и хитры — во всем мире нет купцов искуснее. Большинство кораблей в торговых портах принадлежат именно им.

Старый треант перевел дух и сделал глоток вина, чтобы промочить пересохшее горло.

— На сушу они почти не выходят, разве что ради большой войны. Но горе тому, кто решит перейти им дорогу: мерфолки способны утянуть на дно даже дракона, так что от того и костей не сыщешь.

— А что тебе известно об эльфах? — полюбопытствовал Юнь Фэй.

Аям на мгновение задумался, после чего хмуро обронил:

— Не люблю я с ними знаться.

— Вот как? Мне доводилось вести дела с одним из них, и он показался мне вполне сговорчивым, — пожал плечами Юнь Фэй.

Подошедший с очередным бочонком Бру услышал эту реплику и мысленно усмехнулся. Старый треант слишком хорошо помнил ту дождливую ночь и эльфа, беззащитно болтающегося в петле под ливнем. Пожалуй, любой представитель разумной расы после такой «теплой» встречи станет на удивление вежливым и покладистым.

Однако представления Аяма об этом народе в корне отличались.

Жестокость эльфов была столь же легендарной, как и их неземная красота. Добавьте к этому непомерную гордыню и капризный нрав.

Они развязали войну с дворфами и изгнали полузверей из Восточного королевства по множеству причин. Но главной, неизменной причиной было то, что они сочли их уродливыми. Родиться уродом да еще и сметь перечить эльфам? Вон из наших земель!

— Это воинственный народ, перед которым склоняются даже драконы. Их упрямство и предвзятость не знают границ; угодить им — задача почти невыполнимая.

Единственная сделка, которую Аям когда-то заключил с эльфами, оставила у него исключительно скверные воспоминания.

Им было плевать на золото, но к качеству товара они придирались с маниакальной дотошностью. Потребовав партию радужных птиц, они настаивали, чтобы в хвосте каждой было ровно семь перьев разных цветов, узор располагался строго симметрично, а длина перышек совпадала до миллиметра. Малейший изъян — и весь товар шел в брак.

Ради выполнения этого заказа Аяму пришлось исходить все Западное королевство. Он лично пересчитал перья у тысячи птиц, несколько раз спасался бегством от разъяренных стай, натерпевшись такого страха, что и вспомнить тошно.

С тех пор он зарекся вести дела с остроухими. Стоило ему почуять эльфийский заказ, как он тут же разворачивал караван в обратную сторону. Никакое золото мира не стоило подобных мучений.

— Они считаются детьми Света, но головной боли от них больше, чем от всех исчадий бездны вместе взятых, — подвел итог старый треант. Каждое его слово было выстрадано на личном горьком опыте.

Заметив, как перекосило собеседника, Юнь Фэй благоразумно сменил тему и больше об эльфах

не заговаривал, расспрашивая старого воина о подземных жителях и полужверях.

Свечи в канделябрах почти догорели, оплывая воском. Большинство рыцарей и торговцев были пьяны в стельку и крепко спали прямо за столом. Те немногие, в ком еще теплилось сознание, пытались подняться, опираясь на товарищей. Ноги их не слушались, заплетались, а на пьяные выкрики: «Да я сам дойду!» — замок отвечал глухим эхом. Стоило отпустить такого храбреца, как он тут же терял равновесие и валился с ног.

Хмель затуманил взоры пирующих настолько, что никто из них не заметил, как посреди залы соткались призрачные силуэты героических духов. Призраки постояли недолго, неодобрительно качая головами. С одной стороны, их раздражало это шумное сборище пьяниц, с другой — они явно тосковали по тем временам, когда и сами могли вот так же, запрокинув голову, осушить пенный кубок. Вскоре духи растаяли в воздухе.

Старый Люк в свое время держал таверну, так что с пьяными гостями управляться умел как никто другой.

По его сигналу в зал бесшумно скользнули упругие стебли сопутствующих и паразитических лоз. Они бережно, но крепко обвили спящих воинов и торговцев, протащили их по коридорам и уложили на мягкие постели в гостевых покоях, оставив досматривать хмельные сны.

Аям остался на своем месте, решив дожидаться конца пиршества. Когда в зале не осталось ни души, старый треант поднялся во весь рост и, глядя в глаза Юнь Фэю, произнес:

— Милорд, надвигается буря. Я готов остаться и исполнить свой долг. Верен древнему уговору с родом Снежной Сосны, я буду защищать ваши земли до последнего вздоха.

Юнь Фэй ничуть не удивился. Он внимательно посмотрел на старого великана и мягко ответил:

— Ты можешь не торопиться с решением, Аям. Подумай хорошенько.

— Но почему? — нахмурился тот. Владение Снежной Сосны стояло на краю гибели, и юному лорду отчаянно требовались верные мечи. Зачем же он отказывается от помощи ветерана?

— Скажи, тебе знакомы имена Андер, Вэйту, Тэлиси и Бова? — вместо ответа спросил Юнь Фэй, упоминая четырех старейших треантов, покоящихся в библиотеке.

При звуках этих имен Аям замер. Хмель слегка затуманил его память, и воспоминания былой давности, словно сквозь плотный туман, проступали медленно. Наконец до него дошло, о ком идет речь.

— Хранители замка... Великие наставники, взрастившие не одно поколение славных защитников.

— Они рассказывали мне о тебе, — искренне произнес Юнь Фэй. — Ты был выдающимся воином.

Аям промолчал. Его ладонь невольно легла на левое плечо, где под грубой корой скрывался уродливый, незаживающий рубец.

Заметив это мимолетное движение, Юнь Фэй укрепился в своих догадках. Лицо его сделалось серьезным:

— В битве при Фабре, когда враг призвал демонического дракона, именно ты в одиночку переломил ход сражения. Это была кровавая бойня. Ты сумел выколоть чудовищу глаз, но и сам получил от него страшный удар. Я ведь прав?

— Да, — глухо выговорил Аям, и пальцы его крепче сжали старую рану. Лицо его потемнело.

— Когти демонического дракона оставляют неизлечимые раны. Дыхание Бездны до сих пор отравляет твоё тело, разъедая плоть изнутри. Если ты вновь окажешься на поле боя против сил Тьмы, этот яд пробудится и убьёт тебя.

Узнав от хранителей подноготную Аяма и сопоставив её с его странствиями последних веков, Юнь Фэй понял: старик покинул пограничные рубежи не по своей воле. Его заставила немощь.

Яд бездны истязал его каждый божий день. И пусть он чудом не погиб и не обратился в бездушного мертвеца, бывшая сила покинула его — воевать на равных с порождениями Тьмы он больше не мог.

— Не думай, будто я смотрю на тебя свысока или жалею, — твердо отчеканил Юнь Фэй, ловя изменчивый взгляд старого воина. — Как наследник рода Снежной Сосны, я преклоняюсь перед твоим мужеством, чту твою верность и восхищаюсь тем, что ты бросил вызов темному демоническому дракону.

Юнь Фэй подошел ближе к застывшему трепанту:

— Для меня ты — бесценное сокровище, Аям. Я всем сердцем прошу тебя остаться в моих землях, но воевать я тебе не позволю. Твое место не на передовой.

— Но я... — Аям осекся. В его глазах отразилась целая буря противоречивых чувств.

— Тебе не нужно отвечать прямо сейчас. Подумай на досуге, — тепло улыбнулся Юнь Фэй,

мгновенно сбросив напускную суровость.

— Полчища врагов уже на пороге, милорд. С теми силами, что у вас есть, выстоять будет невероятно трудно, — попытался возразить Аям. Оставить его в тылу означало лишиться надежного щита и разящего копья.

— Пока битва не окончена, никто не смеет праздновать победу, — Юнь Фэй оперся локтями о стол и лукаво прищурился. — Уж поверь, последнее слово останется за мной. И я лично переломаю хребты тем, кто придет сюда с мечом.

Старый треант надолго замолчал.

За свою тысячелетнюю жизнь он видел величие рода Снежной Сосны и познал горечь его падения. Он служил трем великим лордам, и этот юноша стал четвертым на его веку.

По сравнению с предшественниками, новый лорд обладал утонченной, почти неземной красотой, острым умом и несокрушимой уверенностью в себе.

В его жилах бурлила гремучая смесь сил Бездны и природы — яркое энергетическое свечение выдавало в нем грозного правителя, амбициозного и беспощадного к врагам.

Правда, порой этот юнец вел себя излишне эксцентрично, что сбивало старого воина с толку. В памяти Аяма прежние владыки запечатлелись как суровые, величественные исполины, чуждые легкомыслию.

И все же в груди этого юноши горел тот самый огонь, который мог возродить увядающее величие Снежной Сосны.

Так как же ему поступить?

Аям стряхнул оцепенение и прямо посмотрел в темные, глубокие глаза Юнь Фэя:

— Позвольте мне остаться, милорд. Я буду беспрекословно повиноваться вашей воле и не обнажу оружия без крайней нужды. Позвольте мне вместе с Люком растить новорожденных треантов. Мы воспитаем для вас непоколебимое войско.

— Добро пожаловать домой, Аям, — Юнь Фэй резко поднялся и, к великому изумлению старого великана, крепко, по-братски обнял его, хлопнув по могучей спине. — С возвращением во Владение Снежной Сосны. Обещаю, ты не пожалеешь о своем выборе.

Аям на мгновение оцепенел от неожиданности, но затем неловко приобнял юношу в ответ. Голос старого воина дрогнул:

— Благодарю вас, истинный наследник великой крови. Мой лорд.

Возвращение безумной Черной Сосны стало величайшим благословением для Юнь Фэя и всей его земли.

Вернувшись к себе, Юнь Фэй долго лежал без сна. В голове вихрем кружились рассказы Аяма о далеких странах, перемежаясь с тревожными мыслями о неминуемом вражеском нашествии. Сон не шел. Поняв, что до утра не сомкнет глаз, он зажег свечу и направился в библиотеку, решив скоротать ночь за чтением древних фолиантов.

Темные коридоры замка тонули в безмолвии, нарушаемом лишь тихим потрескиванием одинокого огонька в его руках.

На полпути к библиотеке Юнь Фэй столкнулся с Бру. От старого трента веяло морозной свежестью, а в руках он нес охапку сухих березовых дров.

— Хозяин, на улице разыгралась метель. Вам бы накинуть плащ, — недовольно проворчал Бру, заметив, что юноша вышел из спальни в одном легком камзоле.

— Пустяки, мне совсем не холодно, — Юнь Фэй поднял свечу выше и заглянул в узкое окно. За стеклом кружились крупные, пушистые хлопья снега, укрывая засыпающий мир чистым белым саваном.

Вообще-то Бру собирался растопить камин в покоях хозяина, но, узнав, что тот держит путь в библиотеку, решил составить ему компанию.

— Хозяин, ледяной демон просит аудиенции, — негромко проговорил Бру, пока они шли по гулким переходам. — После пира я спускался в казематы проверить пленника, и он сам заговорил со мной. Признаться, я знатно удивился.

— Хочет видеть меня? — удивился Юнь Фэй.

— Да, именно так, — подтвердил старый слуга.

Это было странно. Желая поскорее выяснить, что задумал монстр, Юнь Фэй мгновенно передумал:

— Тогда сначала заглянем в темницу. Идем, Бру.

— Как прикажете, хозяин.

Терзаясь смутными сомнениями, Юнь Фэй зашагал быстрее. Бру бесшумно ступал следом. Вскоре шаги затихли, и обе фигуры растворились в густом мраке подвальных переходов.

Главный город Владения Акации

Метель за окном разыгралась не на шутку, укутывая мир ледяным дыханием зимы.

В замке правителя стены личного кабинета лорда в очередной раз содрогнулись от бешеного рева.

Слуги, дежурившие у дверей господского кабинета, вжимали головы в плечи при каждом звуке. От страха у них перехватывало дыхание.

Накануне в столицу прибыли посланники Владений Тсуги и Терновника. Лорд Сандрис устроил в их честь роскошный прием, не щадя ни вина, ни угощений.

Однако последовавшие за пиром тайные переговоры раз за разом заходили в тупик, оканчиваясь лишь взаимными упреками.

Вот и этой ночью, едва посланники переступили порог кабинета, как изнутри донесся грохот ломаемой мебели, а следом — яростный крик лорда Акации:

— Как Владение Терновника смеет нарушать клятву?!

Стоявший на часах паж задрожал мелкой дрожью, мечтая провалиться сквозь землю. Вспомнив, какая участь постигла его предшественников, несчастный побелел как полотно.

А в самом кабинете посланник Владения Терновника невозмутимо поднялся с кресла. Изрыгаемое хозяином пламя гнева ничуть его не пугало. Он не торопясь выложил на стол резную деревянную шкатулку, внутри которой покоилось личное послание его господина, предельно ясно выражавшее волю клана.

— Сдается мне, милорд, вы путаете причину и следствие, — почтительно, но с ледяной жесткостью произнес посол. — Кто первым преступил клятву? Венчаясь с госпожой Люсией, вы перед алтарем поклялись оберегать и почитать ее. И как же вы сдержали свое слово?

Взор гостя был острым, словно стилет, не оставляя лорду Акации ни малейшей лазейки для

оправданий:

— Вы пригрели на груди девку с мерзкой кровью водяного демона! Вы растоптали достоинство госпожи Люсии, лишили ее законного влияния и, поддавшись нашептываниям своей наложницы, загнали супругу в смертельную ловушку! Она уже который день лежит без чувств, на грани жизни и смерти!

Каждое слово посланника было чистой правдой, и Сандрису попросту нечего было возразить.

— Вы нарушили обет верности. Оскорбив госпожу Люсию, вы плюнули в лицо всему нашему роду! — От этих резких обвинений, брошенных прямо в присутствии посланника Владения Тсуги, лорд Акации буквально задохнулся от возмущения, но не смог вымолвить ни слова.

— По воле моего повелителя, Владение Терновника не выставит против Снежной Сосны ни единого ратника. Более того, мы увозим госпожу Люсию домой. Попробуйте только воспрепятствовать этому, и наш лорд обратится к королевскому суду в столице ради восстановления справедливости.

Подобные дерзкие угрозы, брошенные в лицо могущественному аристократу, граничили с безумием. Однако посол не выказал и тени страха. Окончив речь, он сухо поклонился и решительно покинул кабинет.

Посланник Владения Тсуги тоже не стал задерживаться и поспешил следом.

Свернув в уединенный коридор замка, они слышали торопливые шаги. Их догнала молодая служанка. Она приподняла повыше масляную лампу, тусклый свет которой выхватил из темноты шпильку в виде веточки терна в ее волосах.

Мужчины переглянулись и без лишних слов двинулись за ней. Миновав череду запутанных переходов, они вошли в неприметную комнату, плотно заперев за собой дверь.

— С господином Сандрисом творится нечто неладное. Он будто сам не свой, — приглушенным голосом заговорил посланник Владения Тсуги.

— А чего вы ожидали от человека, пустившего в постель полукровку-водяного демона? — язвительно хмыкнул его спутник. — В жилах этих тварей течет чистейший яд. Каким бы разбавленным ни был этот коктейль, он смертельно опасен. Сначала туманится разум, затем отказывает рассудок. Несчастный медленно, но верно сходит с ума.

А безумный правитель обречен совершать одну глупость за другой.

Посол Владения Тсуги задумался. Спустя минуту он тихо спросил:

— Так каковы же истинные намерения вашего лорда?

— Мы не дадим ему солдат, заберем госпожу Люсию и разорвем брачный союз, — зашептал представитель Владения Терновника. — Корона сквозь пальцы смотрит на то, как сильные лорды растаскивают богатства Снежной Сосны, но никогда не допустит полного истребления их древнего рода. По крайней мере, официально.

— Верно. Если род Снежной Сосны угаснет окончательно, королевскому совету придется начать расследование ради сохранения собственного престижа. Но меня больше тревожит другое: похоже, в жилах молодого Юнь Фэя пробудилась древняя сила. В будущем он может доставить немало хлопот.

— Пустое. Пусть Сандрис проверит его на прочность вместо нас. Возрождение угасшего клана — процесс долгий. Каким бы крепким ни казался молодой росток, его всегда можно вырвать с корнем, едва он покажет свою истинную суть, — на губах посланника Терновника заиграла хищная улыбка. — Посудите сами: Владение Акации куда богаче Снежной Сосны, а его лорд стремительно теряет рассудок. Но главное — он совершает деяния, грубо нарушающие Свод законов королевства.

Намек был более чем прозрачен, и посол Владения Тсуги все понял без лишних слов.

Они посмотрели друг другу в глаза. В полумраке комнаты в их зрачках отчетливо читались алчность и холодный, расчетливый цинизм.

<http://bllate.org/book/18992/1952952>